

Фэн Цзицай

«Подзорная труба» (отрывок)

Больше века назад усадьба еще стояла на своем месте, но прошло уже сто лет, как ее не стало. Другими словами, никто из наших современников ее не видел.

В Тяньцзине тех времен пройти мимо этой усадьбы означало бы лишиться себя ни с чем не сравнимого удовольствия – все равно, что никогда не услышать Лю Ганьсяня¹ в опере «Восемнадцать слез» или не отведать жареную во фритюре рыбу семейства Бянь – одного из восьми знатных родов Тяньцзиня. Хотя если подумать, не увидеть усадьбу – утрата самая большая из всех.

По преданиям, когда усадьба еще стояла на своем месте, какой-то иностранец при виде нее застыл в изумлении, достал камеру и «щелк!» – сделал фотографию, и всякий, кто ее видел, был поражен. Сама усадьба была ничем не примечательна: не большая и не маленькая, расположенные по сторонам света четыре жилые постройки да три внутренних двора. Удивление же вызывало огромное старое дерево в среднем дворе – японская софора, которая своей густой кроной как зонтом накрывала всю усадьбу: не только соседние здания, но и постройки на переднем и заднем дворах. Интересно, каково это – жить в таком доме? В доме под защитой огромного дерева, где не страшны ливни, не задувают ветра, не жарит солнце, где холодными зимами тепло, а жарким летом прохладно, где нет тревог и печалей, только спокойствие и безмятежность. Каждый год в середине лета, когда город окутывал страшный зной, во всех жилых домах Тяньцзиня сооружали навесы, высокие, широкие, чтобы закрыть двор от палящего солнца: пара деревянных столбов и циновка из тростника. Жителям же этой усадьбы подобные ухищрения были не к чему. Их софора служила природным навесом, не говоря уже о том, как красива она была в период цветения!

¹ Лю Ганьсянь – сценический псевдоним артиста Пекинской оперы во времена династии Цин. Родом из Тяньцзиня, он исполнял комические роли и считался «первым комиком Поднебесной». – *Здесь и далее прим. перевод.*

Софора расцветала в мае. Среди однообразных серых домов, привычных для северных городов, она казалась причудливым горшком с цветами, таким большим, что его было видно отовсюду. Ветер доносил ее неповторимый аромат в самые отдаленные уголки города. Когда ветер дул с юго-востока, аромат цветов софоры смешивался с запахом благовоний, которые жгли в храме городского божества в северо-западной оконечности городских стен². А если ветер был северо-западным – растворялся в дыме от храма Байи, что напротив центрального военного гарнизона. Ярче всего аромат цветов софоры слышался рано утром и поздно вечером, и в это же время открывали и закрывали городские ворота. Открытие и закрытие ворот всегда сопровождалось ударами в колокола на Барабанной башне, и потому аромат цветущей софоры и протяжный колокольный звон стали как будто одним целым.

Все-таки цветы звонят как колокола или же у колоколов аромат цветов?

А что же та семья, которая жила под сенью благоухающего дерева? Как легко им, должно быть, дышалось и как сладко спалось среди цветов! Как говорили соседи в северной части города, цветочный аромат всюду сопровождал жителей усадьбы, когда бы они ни входили за ворота. Еще более впечатляющей картина становилась в конце сезона цветения: крыши, земля – вверху и внизу все было устелено белыми, как снег, лепестками. Один день уберешь – на завтра «снегопад» начнется снова. Стоило девушкам выйти во двор, на их черные волосы непременно падали несколько цветков, будто они надели синевато-желтые украшения. В конце сезона цветения у усадьбы собирались городские аптекари и собирали цветки в мешки³. А когда в аптеку приходили покупатели, продавец, улыбаясь, говорил:

– Это цветы софоры из усадьбы семьи Оуян, что на улице Фушу!

Да, семья Оуян не знала недостатка в цветах софоры, это было самое успешное предприятие старика Оуяна.

² Города в Китае традиционно имели форму квадрата, поэтому местоположение того или иного здания можно было определить по четырем углам городской стены.

³ Сушеные цветы софоры в китайской традиционной медицине применяются в качестве кровоостанавливающего средства и для очищения печени.

Когда цветы начинали опадать, он брал пиалу для заваривания чая, снимал крышку, ставил на стол во внутреннем дворе, наливал кипятком, ничего другого не добавляя, и ждал: через некоторое время цветы бесшумно опускались в пиалу, лепестки раскрывались в горячей воде, и чай из софоры с нежным ароматом так и манил присесть и выпить его.

Волшебство в простоте, обыкновенное чудо.

На самом ли деле существовала эта усадьба? Почему же потом она исчезла? Куда сбежали жившие там люди? Что случилось с неохватным старым деревом софоры? Кто мог перенести дерево такого огромного размера? А та фотография, которую сделал иностранец, где она? Боюсь, даже людям, видевшим фотографию, не под силу это узнать.

Хотя почему непременно нужно найти ту фотографию? Ведь фотография – это всего лишь тень, отпечаток, разве может она сохранить историю всех прошедших лет? Чтобы получить подробную и ясную картину, нужно обратиться к подписи внизу фотографии.

Довольно разглагольствовать, самое загадочное в этом деле – возраст нашего удивительного дома. «Больше века назад усадьба еще стояла на своем месте», сказал я, то есть на самом деле ей намного больше, чем сто лет.

Кто-то говорит, что она существовала еще во времена династии Мин; кто-то – что была основана торговцем солью в начале династии Цин. Никто не знает, что было на заре истории. Как бы то ни было, торговец солью спустя время переехал, и усадьба переходила из рук в руки и сменила несколько владельцев, ее много раз перестраивали, и следов династии Мин, конечно, уже не осталось. Разве что пара голов каменных тигров, что сидели на постаменте у главных ворот, своим внушительным видом напоминали о величии Мин.

Во все времена дом хранил дух своего хозяина, кто становился во главе дома – тот и менял его по своему характеру, так же как правитель меняет свое государство. Единственным неизменным оставалось старое дерево софоры, сдвинуть его смерти подобно – при всем желании не выйдет. Как говорил знающий человек, живший во

времена Гуансюй⁴, испокон веков сначала строили дом, а потом сажали дерево – и никогда наоборот.

Узнай мы, сколько лет назад было посажено дерево софоры, узнали бы и возраст усадьбы. Как подсчитали понимающие толк в деревьях, старой софоре никак не меньше трехсот лет. Если это верно, то дом, должно быть, был построен во времена правления императора Ваньли династии Мин⁵. Но это всего лишь время начала его строительства. Декоративные элементы, вырезанные на камне на воротах и стене у входа – все эти «украшательства», очевидно, появились после перестройки усадьбы. Приблизительно во времена правления Даогуан⁶ в усадьбе жил один торговец, занимался покупкой и перепродажей морепродуктов, не гнушаясь никакого заработка, сколотил огромное состояние, и обуяла его страшная гордыня, поэтому неудивительно, что он украсил дом и золотом, и серебром, будто сияющий бриллиант. Он думал было снести усадебные ворота и построить заново, выше на шесть чи⁷; и целиком заменить пол в комнатах и во дворе. К счастью, его жена вечно жаловалась на птиц, живущих в кроне софоры, их помет то и дело оказывался на теле и одежде; потому он передумал и купил большой пустырь на улице Ляндяньхоуцзе в провинции Хэбэй, построил там новый дом да переехал.

Повезло старой усадьбе, что ей не навредили.

Поворотное событие в судьбе усадьбы произошло в тот момент, когда она перешла в руки старика Оуяна, который приехал из уезда Цыси провинции Чжэцзян открывать лавку, торгующую бумагой. Старик Оуян зазря ничего не делал. Ему приглянулась эта усадьба: скрытые в ее старых стенах солидность, спокойствие,

⁴ Император династии Цин, 1871-1908 гг. В Китае император, взошед на престол, выбирал девиз правления, обозначающий какой-то благоприятный принцип, и после смерти он оставался известен под своим девизом, а не под личным именем. Так, Айсиньгьоро Цзайтянь правил и вошел в историю под девизом «Гуансюй», что означает «славная преемственность».

⁵ Ваньли – девиз правления одного из императоров династии Мин, 1572-1620 гг.

⁶ 1821-1850 гг., император династии Цин.

⁷ Традиционная китайская мера длины, 1/10 чжана, состоит из 10 цуней. На протяжении истории величина чи менялась, в указанный период во времена династий Мин и Цин была равна ~34 см.

изысканность, отполированные до блеска кирпичики и увитые виноградом окна, а в особенности – изумительная старая софора.

Хотя Оуян и был торговцем, но выходцем из интеллигентной семьи, как и большинство торговцев провинции Чжэцзян. К югу от реки Янцзы – так современники называли территории двух провинций, Цзянсу и Чжэцзян – по наследству передавалась любовь к литературе. Но в отличие от жителей Цзянсу, которые не выпускали из рук кисть и тушь и занимались либо писательством, либо живописью, в Чжэцзяне все были или чиновниками, или торговцами: половина из выбравших ученый путь, шли на государственную службу, а половина – открывали лавки. Только в одном уезде Цыси – на родине Оуяна – степень цзиньши⁸ получили пятьсот человек. По этой причине большинство чиновников в Чжэцзяне служили гражданскими чинами, а торговцы были образованными и разбирались в нормах конфуцианства. Пусть внешне они и заняты были лишь зарабатыванием денег, но дом всегда был полон аромата книг и туши для письма. Хотя старик Оуян и не стал перестраивать старую усадьбу, но полностью заменил аляповатые вульгарные украшения из резьбы по дереву, что висели снаружи дома. Убрал драгоценные сосуды, наполненные медными монетами с квадратными отверстиями и на их место повесил картины: «Рыбак, дровосек, земледелец и ученый»⁹, «Четыре благородных цветка: слива, орхидея, бамбук и хризантема», а также обустроил место для игры на цине, шахмат, занятий каллиграфией и живописью¹⁰. Он удалил все безвкусные нагромождения, сделанные предыдущими хозяевами, вернув усадьбе ее чистый, совершенный первоначальный вид. Он понимал, что нынешнему веку при Цинах не доставало изящества династии Мин, оставив старые вещи, он сохранил старинный дух усадьбы.

⁸ Высшая учёная степень в системе государственных экзаменов кэцзюй. Экзамены на цзиньши проводились в столице Пекин, в них принимали участие экзаменуемые, успешно сдавшие экзамены первых двух уровней: в уезде и провинции.

⁹ Четыре благородные профессии в традиционной культуре императорского Китая.

¹⁰ Игра на цине, шахматы, каллиграфия, живопись – четыре занятия ученого.

Ему, как хозяину дома, полагалось бы жить в покоях в самом дальнем внутреннем дворе, но два крайних двора были самыми тенистыми: старая софора полностью скрывала их от солнечных лучей. Старик Оуян любил выращивать цветы и поселился в первом дворе. Сюда с утра и до вечера заглядывало солнце, даря свет, который так нравится цветам.

В главном доме на переднем дворе располагались одна проходная комната и две непроходные справа и слева от нее; комната в центре – гостиная – с высокими потолками и большими окнами, раньше служившая приемной, была просторной и уютной. Однажды старик Оуян сидел в своей гостиной, смотрел в окно, разглядывая тени от софоры во дворе, будто нарисованные черной тушью на белой бумаге – как красиво. Из всех поэтов, и древних, и современных, его больше всего впечатлял Су Ши¹¹. Неудивительно, что ему сразу вспомнилась строка из стихотворения Су Ши «Ода дому под тремя софорами»:

*«...Двор утопает в тени
Кроны софоры густой ...»*

Эта строчка так подходила его усадьбе, что он упросил известного во всем городе каллиграфа Чжао Юаньли написать для него иероглифы «Дом в тени софоры». Не пожалев денег, он пригласил знаменитого мастера резьбы по дереву Чжу Синляня, чтобы тот выгравировал эти слова на деревянной доске, которую покрыли специальным лаком, а сами иероглифы – позолотой; картину повесили в гостиной, в центре стены напротив входной двери – комната сразу стала выглядеть богаче и элегантнее, отражая сильный характер ее хозяина. Воодушевившись, он также установил на входе в гостиную резные ворота. Плотников пригласил издалека – со своей родины в уезде Цыси – которые изготовили ворота в традиционном стиле тех мест. Естественный цвет дерева, без добавления лака, своей простотой и изысканностью навевал воспоминания о былых временах.

¹¹ Су Ши (1037–1101 гг.) – поэт, художник, каллиграф и государственный деятель эпохи Сун.